

И. Грекова

Без улыбок

ФТМ

И. Грекова

Без улыбок

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=429242

ISBN 978-5-4467-0182-7

Аннотация

В рассказах И.Грековой поместился весь XX век – его прожили, отлюбили и отстрадали ее герои. Творчество писательницы вошло в золотой фонд советской литературы.

И. Грекова
Без улыбок
Полуфантастический
рассказ

Заседание кончилось. Я им все сказала.

Может быть, слишком резко. Друзья мне советовали соблюдать осторожность. Нашли кому советовать! Не мое это дело, не мой талант. Вот Обтекаемый – тот осторожен. Он, верно, и родился-то осторожно: высунул голову и огляделся.

"Порочное направление в науке" – вот что мне ставилось в вину. Вот идиоты! В общем, осторожности я не соблюла, кое-кого из важных задела. Придется нести последствия. Ничего, снесу.

После душного зала, полного лицемерии, улица охватила свежестью, простотой. Вечер, уже не весенний, но еще и не летний, – он не опускался, как полагается вечеру, а взлетал. Ласточки чертили розовое небо. На этом небе меня поразили светло-изумрудные, кем-то рано и расточительно зажженные, фонари дневного света. Как могла бы быть прекрасна жизнь.

В метро я разглядывала людей. Они ехали сосредоточенно, чуть покачиваясь, прямо и резко освещенные сверху, от-

чего на каждом лице проступал костяк. Жесткая замкнутость отгораживала их друг от друга и от меня. Некоторые читали, многие казались усталыми. Рядом с ними, смягченные и украшенные голубизной темных окон, ехали их отражения, казавшиеся добрее, проще самих людей.

От конечной станции метро до моего дома можно ехать автобусом, можно идти пешком. Я пошла пешком. Ноги были тяжелы, но воздух прохладен, легок. Чужие окна светло сияли справа и слева. За каждым из них что-то происходило, чья-то жизнь, казавшаяся отсюда, из темноты, чудом уравновешенности и счастья. Розово-смуглое небо на западе еще светилось. Напротив глыбами громоздились темные тучи, оттуда подувал ветер, возможно, ночью будет дождь. Майский жук ударился мне в щеку и стукнулся об асфальт.

Меня не покидало лицо Обтекаемого. Он выступал словно бы в мою пользу, но так, чтобы в любую минуту можно было все переиграть. Виртуоз двоедушия.

Дома, в пустой квартире, которую я каждый раз с удивлением нахожу пустой, хотя живу одна уже два года, пел холодильник, постукивала форточка, гуляли ночные звуки, заменяющие в новых домах сверчка: рассыхался паркет, вздыхали обои.

Что бы ни случилось – вот она, моя комната, моя постель, и над постелью, низкой звездой, неяркая лампа, при которой я читаю на ночь, без чего не могу заснуть уже много лет.

Что бы ни случилось – день проходит, наступает ночь, за-

гораются низкая лампа-звезда, и вот я уже читаю, пирую. Отходит дневная, своя тревога, приходит другая тревога, чужая, ночная, и тревожит меня долго, иной раз до утра, но чаще через час или два мысли милосердно слипаются и можно погасить свет, вытянуть ноги, спать.

С годами у меня постепенно пропал интерес ко всему сочиненному, зато обострился интерес к подлинному. Вместо романов меня провожают ко сну мемуары, дневники, письма, стенографические отчеты. Может быть, это возрастная болезнь, я замечала ее у многих пожилых, сильно занятых, читающих людей. Слово "читающие" я здесь употребляю как "курящие".

Однажды я спросила об этом своего друга, Худого.

– Послушайте, а с вами так не происходит, что все меньше тянет на художественную литературу и все больше – на документ?

– Ого, еще как! – ответил Худой и улыбнулся обтянутым своим лицом.

– А почему бы это?

Худой подумал и сказал, очень серьезно:

– Процент правды больше.

Процент правды. Именно так. Спасибо, Худой.

Я читаю книги кубометрами, как кит, всасывающий морскую воду и почти всю ее выпускающий обратно, чтобы оставить внутри, на усах, самую малость того, чем он питается, – процент правды.

Раньше, в молодости, меня интересовало вымышленное. Теперь меня больше интересует вымысливший. Что заставило его, писателя, вымыслить это, а не что-то другое? И вообще как он жил? Как вставал по утрам, с трудом приподнимая с постели и ставя на коврик свои, возможно, отекавшие ноги? Как одевался, садился за стол, надламывал хлеб? Кто сметал со стола крошки?

Или не писатель – пусть актер. И не какой-нибудь всемирно известный, боже сохрани, а заурядный, провинциальный, который всего-то и был знаменит, что одним талантливым вскриком в одном месте одной роли. Этот вскрик сохранился в одной строке одной книги, скажем "Страницы былого", так любят называться воспоминания, – и строка вскрикивает голосом давно умершего актера и потрясает меня, и я готова поцеловать книгу.

А может быть, дело не только в проценте правды, а еще и в другом – в игре? С возрастом пропадает потребность к игре и умение играть. Молодой котенок все время играет. Пожилой кот только щурится, подогнув лапы, на бумажный бантик.

У некоторых способность к игре сохраняется дольше; у нас с Худым она угасла сравнительно рано.

Я вообще мало способна к играм. Например, шахматы. Пробовала – не могу. И не по какой-нибудь особой глупости – просто не удастся принять всерьез условия игры, или, как у нас говорят, УИ.

Так и во всем. Скажем, в литературе. Многие любят детектив, научную фантастику, я – нет. Не принимаю УИ.

И всюду меня преследуют УИ, и всюду я их не понимаю. Есть специальные УИ для научных статей, для брака, для похорон, юбилеев. Я никогда ими не могла овладеть. Может быть, этим я себя обеднила. Если УИ существуют, тем самым они заслуживают внимания, а значит, изучения. Моя по отношению к ним чисто отрицательная, нигилистическая позиция слишком эмоциональна и недостойна научного работника.

"Не смеяться, не плакать, только понимать", – сказал Спиноза. Правильно, но для меня, увы, невозможно.

Вероятно, во многих отношениях мне просто не хватает ума.

Нет, не того элементарного, торгового ума, которым в избытке наделен Обтекаемый. Не дай мне бог такого ума. Гораздо больше меня привлекает скорбный, иронический ум Худого. Но и с ним я бы не поменялась, нет. Этот ум слишком, я бы сказала, дистиллирован. В нем не хватает жизненных примесей. В каждом умном человеке, по-моему, должно быть чуточку дурака. Я знаю Худого много лет, но так и не могла обнаружить в нем дурака. Или его вообще нет, или он очень глубоко запрятан.

Зато во мне дурака более чем достаточно. Из нас двоих с Худым, пожалуй, можно было бы составить одного умного человека...

А Обтекаемый...

Фу-ты, наваждение. Передо мной опять возник очень реальный образ Обтекаемого, по грудь срезанный кафедрой, – его гладкое, миловидное лицо, мягкая прядь зачесанных набок, почти без седины, волос. Этому лицу противоречили, были на нем почти неприличными старческие мешочки в углах щек. Такому лицу надо было быть вечно, осторожно, неуязвимо молодым. То, что оно слегка поддалось времени, как бы дало вмятину, нарушало его благопристойную завершенность.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.